

ГЕНРИ-ЧАРЛЬЗУ КЭРИ (?)

Публикация Л. Г и н з б у р г

Публикуемое письмо — одно из свидетельств международного значения деятельности Герцена, мировой известности, которой он пользовался, особенно после того как в 1855 г. появились английский и немецкий переводы «Тюрьмы и ссылки». Письмо, сохранившееся в бумагах Герцена в копии (почерк неустановленного лица), адресовано в Америку. В письме затронуты вопросы, которые Герцен ставил и на страницах своих произведений.

Герцен сумел критически подойти и к буржуазной демократии Западной Европы, и к общественно-политическому строю Соединенных Штатов Америки. По поводу этого строя Герцен много раз высказывался с беспощадной резкостью. «В Северо-Американских Штатах перехватывают письма и журналы, секут граждан на площадях и продают с аукциона *вольных* негров», — писал Герцен в 1860 г. в статье «Россия и Польша» (X, 244). В очерке «Роберт Оуэн», появившемся в «Полярной звезде» на 1861 год, Герцен говорит: «...народ, объявивший восемьдесят лет тому назад „права человека“, распадается из-за „права сечь“. Преследования и гонения в Южных Штатах, поставивших на своем знамени слово *Рабство*, так, как некогда Николай ставил на своем слово *Самодержавие*, за образ мыслей и слова, не уступают в гнусности тому, что делал неаполитанский король и венский император. В Северных Штатах „рабство“ не возведено в догмат религии; но каков уровень образования и свободы совести в стране, бросающей счетную книгу только для того, чтобы заниматься вертящимися столами, постукивающими духами, — в стране, хранящей всю нетерпимость пуритан и квакеров!» (XIV, 486). Таким же негодованием проникнуты отзывы о Соединенных Штатах в статье 1862 года «*Mortuos plango*» («Оплакиваю мертвых»): «До Северо- и Юго-Американских штатов было рабство и крепостное состояние, неправая война и неправоes стяжание, но этот цинизм, эта наглость, эта преступная простота, это бесстыдное обнажение, — это ново и принадлежит Америке» (XV, 5).

Наряду с беспощадной критикой американской буржуазной демократии, которую в «Роберте Оуэне» Герцен назвал «диктаторской и полицейской», у него встречаются и положительные высказывания о политическом строе Америки. Однако это противоречие кажущееся. Оно объясняется тем, что Герцен в одних случаях говорит о *существующих* в современной Америке порядках, резко их осуждая; в других же случаях он говорит о тех предпосылках американской общественной жизни, которые он считал благоприятными, говорит о *возможности* развития народных, подлинно демократических сил. Герцен полагал, что страна, свободная от феодально-монархического наследия старой Европы, имеет перед Западной Европой серьезные преимущества.

Капитализм Западной Европы Герцен считал насквозь прогнившим: перспективы организованного рабочего движения он в сороковых-пятидесятых годах недооценивал. Тем большее значение придавал Герцен возможности сближения России и Америки. Но когда Герцен говорил об этом плодотворном для обеих стран сближении, он имел в виду не только будущую свободную Россию, но и Америку *будущего*, американский *народ*, который, как он надеялся, вступит когда-нибудь на путь подлинно демократического развития.

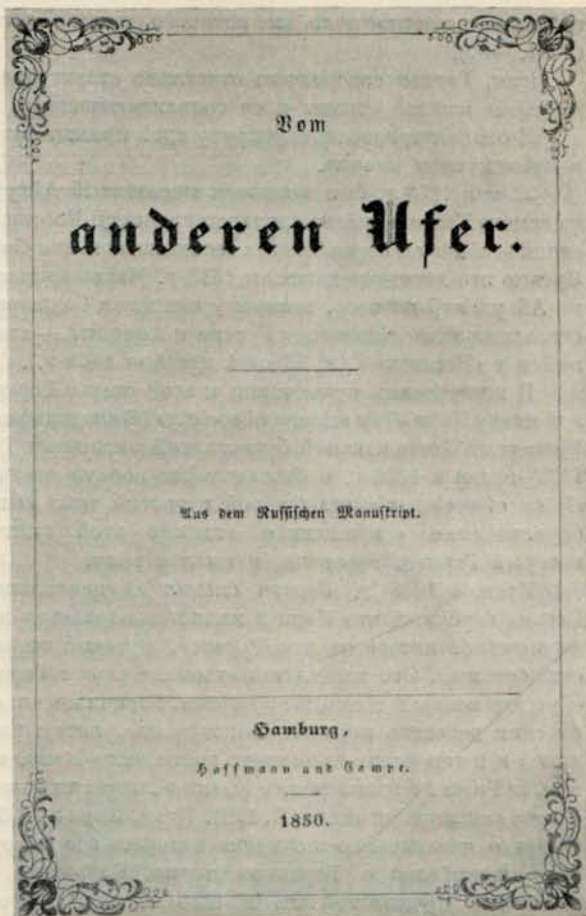
Герцен был убежден в том, что строй будущего — это социализм. Вопрос о жизнеспособности той или иной страны он решал в зависимости от наличия в ней социалистических тенденций. Россия, по убеждению Герцена, в большей мере, чем какая-либо другая страна, обладает «способностью к социализму», и этим определяется ее будущее всемирно-историческое назначение. С тем же критерием наличия социалистических тенденций подходил Герцен и к оценке Америки; но здесь вопрос оставался для него открытым.

Иногда Герцену представлялось, что американский народ сумеет пойти путем «общественного преобразования» и создаст в своей стране справедливый социальный строй. В статье «Россия» (1849) он писал: «Я ничего не пророчу, но я также не думаю.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ
«С ТОГО БЕРЕГА», 1850 г.

Появилось в переводе на немецкий язык без обозначения автора.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

что судьбы человечества и его будущее пригвождены к Западной Европе. Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются другие страны; есть уже такие, которые готовы к этому движению, а другие к нему подготавлиются» (V, 333). Далее Герцен называет Россию и Америку. В 1854 г. Герцен писал: «Работник (т. е. пролетарий.— Л. Г.) может отвратить от старого света большой позор и большие несчастья. Но спасенный им, он не переживет одного дня, потому что с ним водворится социализм — и вопрос будет положительно решен. Но и работник может быть побежден, как это было в июньские дни. Противодействия будут еще свирепее, еще страшнее. Тогда разложение старого мира придет иным путем, и социализм осуществится в других странах» (VIII, 30).

Из дальнейшего текста видно, что здесь опять подразумеваются Россия и Америка.

Но если Герцен твердо верил в социалистическое будущее России,—хотя и ошибался в понимании природы этого социализма,—то «социалистические тенденции» американского общества нередко внушали ему сомнения: «Трудно сказать, каково будет отношение Соединенных Штатов к социалистическим тенденциям, иными словами, к будущему...»,—говорит Герцен в 1857 г. в «Письме к Джузеппе Маццини о современном положении России» (VIII, 414). Те же сомнения, в том же 1857 году, Герцен высказывает в статье «Еще вариация на старую тему»: «Как Америка будет относиться к социальным (т. е. социалистическим.— Л. Г.) стремлениям, трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий сообще чрезвычайно в ней развит, но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими

только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость» (VIII, 490).

Итак, Герцен совершенно отчетливо ставит знак равенства между историческим *будущим* каждой страны и ее социалистическими тенденциями.

К охарактеризованному кругу идей примыкают суждения, высказанные Герценом в публикуемом письме.

28 мая 1858 г. был заключен знаменитый Айгунский договор, по которому Амур до самого Тихого океана сделался границей России с Китаем. В публикуемом письме Герцен говорит о перспективах «соприкосновения Сибири с Америкой в устьях Амура». Письмо это датируется июлем 1858 г. Через несколько месяцев Герцен откликнулся на Айгунский договор, которому придавал большое значение и в котором, в частности, видел залог сближения России и Америки, — статью «Америка и Сибирь», появившейся в «Колоколе» (л. 29 от 1 декабря 1858 г.).

В подстрочном примечании к этой статье Герцен рекомендует вниманию читателей книгу Кэри «The science of society» (Филадельфия, 1858). Ссылка Герцена не точна. Известный американский буржуазный экономист Генри-Чарльз Кэри (Carey, 1793—1879) издал в 1858 г. в Филадельфии первую часть своего трехтомного труда «Principles of social science» (второй и третий тома вышли в 1860 г., а в 1864 г. было опубликовано сокращенное издание этой книги — «Manuel of social science»), который Герцен, вероятно, и имел в виду.

Итак, в 1858 г. Герцен следил за деятельностью Кэри и знал его работы. Весьма вероятно, что Кэри и является адресатом публикуемого нами письма. Кэри, несомненно, интересовался Россией, русской экономикой и русско-американскими отношениями. Это засвидетельствовано самим Герценом. В конце 1859 г., в статье «Русские немцы и немецкие русские», Герцен писал: «...характер мирского управления русских деревень поразил Гакстгаузена, потом разных американских путешественников и в том числе известного экономиста Кэри, который мне сам говорил, возвратясь из России в нынешнем году, что в „мирском начале наших коммун лежит великая основа самоуправления“» (X, 120). Итак, Кэри в 1859 г. посетил Россию, что свидетельствует о чрезвычайно активном интересе его к «русскому вопросу», и на обратном пути встретился с Герценом лично. Вероятно, личному знакомству и беседам о России предшествовало в 1858 г. знакомство заочное — обмен письмами и статьями.

Отметим еще один факт, подкрепляющий высказанное предположение. Кэри всегда жил и печатался в Филадельфии. Если те две статьи, о которых в своем письме сочувственно упоминает Герцен, действительно принадлежали Кэри, то они, по всей вероятности, появились в каких-либо филадельфийских изданиях.

В этой связи интересно, что статья Герцена «Америка и Сибирь» начинается цитатой из посвященной русско-американским отношениям статьи «Наш восточный сосед», напечатанной в филадельфийской газете «Daily Evening Bulletin» (8 октября 1858 г.).

В статье Герцена «Prolegomena», написанной в 1867 г., находим еще одно упоминание о Кэри, опять в связи с проблемой самоуправления русской общины. «Первобытный принцип самоуправления...», — пишет Герцен и делает сноску: «Так хорошо оцененный вестфальским бароном Гакстгаузеном и американским социологом Кэри» (XX, 83).

Кэри — буржуазный социолог, проповедовавший «единство интересов» предпринимателей и рабочих. Одна из основных его работ так и озаглавлена — «The harmony of Interest» (1852).

Маркс и Энгельс с уничтожающим сарказмом отзывались об экономических взглядах Кэри; Энгельс — особенно в «Анти-Дюринге», поскольку Дюринг был прямым последователем Кэри. Надо полагать, что Герцен не вдавался в сущность экономических теорий Кэри. Герцена пятидесятых годов ввело в заблуждение то «сочувствие» угнетенным трудящимся массам, которое Кэри охотно высказывал в своих работах, а еще больше его взгляд на русскую общину как на «великую основу самоуправления».

Juillet 1858. Laurel House.
Putney

Monsieur,

Il y a bien longtemps, après l'avortement de la révolution de 1848, je ne cessais répéter que l'Occident de l'Europe, absorbé par ses querelles héréditaires, par la lutte des Montecchi et des Capuletti, et dépérissant sous le mal d'un antagonisme fiévreux entre un corps usé et un idéal impossible, — ne s'apercevait point de ce que l'histoire commence à déménager¹. Je leur montrais, à ces aristocrates de la vieille souche, l'Amérique et la Russie se touchant par la nuque, et je me hasardais à dire que l'Océan pacifique était la Méditerranée de l'avenir². On se moquait de moi — tout cela paraissait trop paradoxal.

Votre lettre et vos deux articles me sont une preuve que chez vous, de l'autre côté de l'Océan, on apprécie les choses d'une manière différente.

Je vous remercie beaucoup pour votre lettre; elle m'a fait un grand plaisir en me donnant un nouveau témoignage de la sympathie qu'on a pour notre travail en Amérique.

Il m'est impossible de ne pas décliner une partie des compliments que vous me faites. Le succès de la propagande Russe que j'ai organisée à Londres — est une preuve, que les éléments d'une régénération sociale sont tout prêts. Moi — je ne suis que leur organe — *in partibus*, — si je n'étais soutenu par l'opinion publique en Russie, je ne pourrais rien faire <de> pratiquement utile. — Par la guerre de Crimée, la mort de Nicolas et pardessus

Briefe

aus

Italien und Frankreich

(1848 — 1849)

von

einem Russen,

Verfasser

bei

„Dem andern Ufer.“

A. Herzen.

Hamburg.

Hoffmann und Campe.

1850.

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
«ПИСЕМ ИЗ ФРАНЦИИ
И ИТАЛИИ», 1850 г.

Книга вышла в переводе на немецкий язык анонимно, но с указанием, что она написана автором «С того берега». На титульном листе воспроизводимого экземпляра имя Герцена вписано кем-то от руки

Центральный государственный
архив Октябрьской революции,
Москва

tout par le commencement de l'Emancipation des paysans avec la terre — la Russie est entrée dans une nouvelle phase de son développement. — Les chemins de fer changeront tous les rapports — et le contact de la Sibirie avec l'Amérique aux embouchures de l'Amour — tout cela est gros d'un avenir³.

Mais il y a une condition sine qua non: la Russie ne fera rien par la voie du despotisme militaire, rien par la continuation du régime de Nicolas — elle ne peut progresser qu'en développant la Commune rurale et la liberté individuelle.

J'ai prié M-r Trübner de vous faire parvenir quelques unes de mes brochures sur la Russie; — permettez-moi de vous les offrir de tout mon coeur — lisez-les avec patience; elles vous montreront quelques côtés nouveaux de la question Russe⁴. Je voudrais bien vous offrir un livre allemand que j'ai publié en 1850: «Vom anderen Ufer», mais je ne possède pas une copie⁵.

Перевод:

Июль 1858. Laurel House.
Putney

Милостивый государь,

Много лет назад, после неудачи революции 1848 г., я не переставал твердить, что Запад Европы, поглощенный своими спорами о наследственных правах, борьбой Монтески и Капулетти и разрушаемый болезнью лихорадочного антагонизма между телесной хитлостью и недостижимым идеалом, — не замечает, что история начинает перемещаться¹. Я указывал всей этой старой родовой знати, что Россия и Америка сходятся затылками, и осмеливался утверждать, что Тихий океан — Средиземное море будущего². Надо мной смеялись — всё это казалось слишком парадоксальным.

Ваше письмо и обе ваши статьи служат для меня доказательством того, что у вас, по ту сторону Атлантического океана, иначе расценивают вещи.

Я очень благодарен вам за ваше письмо, оно доставило мне большое удовольствие, явившись новым свидетельством симпатии, с какой в Америке относятся к нашему делу.

Не могу, однако, не отклонить часть ваших похвал. Успех организованной мною русской пропаганды в Лондоне доказывает, что основы социального возрождения уже заложены. Я не более как глашатай этого *in partibus* *, и если бы меня не поддерживало общественное мнение в России, я не мог бы сделать ничего практически полезного. С Крымской войны, со смерти Николая I, в особенности же после начала освобождения крестьян с землей, Россия вступила в новую фазу своего развития. Железные дороги изменят все соотношения — и в соприкосновении Сибири с Америкой в устьях Амура — во всем этом — зародыш будущего³.

Но есть условие sine qua non**. Россия ничего не достигнет, идя путем военного деспотизма, ничего не достигнет продлением режима Николая, прогресс для нее возможен лишь при развитии земельной общины и установлении индивидуальной свободы.

Я просил г-на Трюбнера доставить вам кой-какие из моих брошюр о России. Разрешите от всего сердца преподнести их вам — прочтите их терпеливо, они покажут вам некоторые новые стороны русского вопроса⁴. Мне очень хотелось бы преподнести вам изданную мною в 1850 г. немецкую книгу «Vom anderen Ufer» ***, но у меня нет экземпляра⁵.

Рукописная копия неустановленным почерком. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 201, лл. 1—2.

¹ Мысль о географическом «перемещении» истории Герцен высказал в 1849 г., в статье «Россия» (письмо к Гервегу), помещенной в виде приложения к немецкому

* на чужбине (лат.).

** неперемное (лат.).

*** «С того берега» (нем.).

изданию «С того берега» (см. V, 330). В 1851 г. в работе «О развитии революционных идей в России» Герцен поместил большое извлечение из статьи «Россия», в том числе и абзац, посвященный России и Америке. Вероятно, имея в виду это высказывание, Герцен в статье 1858 г. «Америка и Сибирь» (она написана через несколько месяцев после публикуемого нами письма) подчеркнул, что скоро исполнится десять лет с тех пор как он высказал «мысль о взаимном отношении» России и Америки. В той же статье, как и в публикуемом нами письме, Герцен подчеркивает, что он развивал эту свою концепцию «много раз и еще несколько месяцев тому назад». Далее приводится соответствующая цитата из предисловия к русскому переводу французской брошюры Герцена «Франция или Англия?», направленной против реакционного режима Наполеона III. Предисловие это датировано «3 сентября 1858 г. Путней» (IX, 198—203).

² В 1854 г. в первом письме к В. Линтону из цикла «Старый мир и Россия» Герцен писал о России и Америке: «Взгляните, например, на эти две огромные равнины, сходящиеся затылками, обогнув Европу» (VIII, 30). В цитированной уже статье «Америка и Сибирь» Герцен говорит, что Россия и Америка «доходят (...) до берегов Тихого океана, этого „Средиземного моря будущего“ (как мы раз называли его и потом с радостью видели, что американские журналы много раз повторили это)» (IX, 401). В 1866 г., в «Колоколе» (л. 298) Герцен поместил заметку «Америка и Россия». «Все русские и не русские газеты полны вестями о сближении Северо-Американского союзнчества с Россией. Западные публицисты сердятся, хмурятся (я есть отчего), русские перепечатают на десять ладов, с разными вариациями, то, что нами было сказано немного попрежде, а именно *восемь лет* тому назад. Вот что напечатано в нашей передовой статье 1 декабря 1858 г. в „Колоколе“». Далее следует выдержка из статьи «Америка и Сибирь». Эпиграфом к заметке «Америка и Россия» поставлены слова: «Тихий океан—Средиземное море будущего» (XIX, 62).

³ Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев (впоследствии получил титул графа Амурского) в пятидесятых годах организовал экспедиции для исследования устья Амура и энергично заселял берега Амура русскими поселенцами. Герцен с живым интересом и сочувствием присматривался к этому процессу закрепления России на тихоокеанском побережье. В 1857 г., в статье «Письмо к Джузеппе Маццини о современном положении России» Герцен утверждает, что заселение русскими «устья Амура является одним из самых крупных шагов цивилизации. Какое упраство, какая недобросовестность может отрицать это?» (VIII, 414). В этой связи Герцен опять ставит вопрос о русско-американском сближении, в частности о расширении торговых связей с Соединенными Штатами. В 1858 г. заключение Айгунского договора, юридически оформлявшего выход русских к Тихому океану в районе Амура, вызвало, понятно, отклики в Америке и Западной Европе. Статью «Америка и Сибирь» Герцен начинает цитатой из американского журнала, в которой имеется следующее высказывание: «Трактат, заключенный Муравьевым, со временем будет иметь мировое значение (...) Трактату этому (...) мы имеем столько же причин радоваться, как жители Иркутска и всей Сибири» (IX, 399). В конце своей статьи Герцен возвращается к той же теме: «Имя Муравьева, Путятин и их сотоварищей внесено в историю, они вбили сваи для длинного моста... через целый океан» (IX, 404). Адмирал Е. В. Путятин в том же 1858 г. заключил с китайским правительством Тяньцзинский договор, по которому русские приобретали право свободного посещения портов Китая для производства морской торговли.

Впоследствии Герцен высказывал и резко отрицательные суждения о Муравьеве-Амурском, но все же до конца не понял деятельности и личности этого фрондирующего царского саграпа, склонного «на всякий случай» заигрывать с революционными элементами в стране. Толчком к критической переоценке послужила темная история дуэли Беклемишева (Муравьев ему покровительствовал) с Неклюдовым, в особенности связанная с этим делом высылка Петрашевского из Иркутска в Минусинский округ. Этому делу посвящены статьи: «Убийство Неклюдова в Иркутске» («Под суд», л. 2, 15 ноября 1859 г.), «Дуэль в Иркутске» («Колокол», л. 67, от 1 апреля 1860 г.) и «Тиранство сибирского Муравьева» («Колокол», л. 82, от 1 октября 1860 г.).

⁴ В течение многих лет Герцен пользовался издательским и торговым аппаратом лондонского книгопродавца Н. Трюбнера. «Американская и континентальная литературная агенция» — так называлось книжное дело Трюбнера. В рекламных объявлениях, которые Трюбнер печатал на обложках своих изданий, между прочим сообщалось: «Агенция Трюбнера и К-нии в постоянном сношении с Америкой и предлагает свои услуги для доставки книг (старых и новых), журналов, карт, физических спарядов». Книжная торговля Трюбнера в Лондоне указана и в упомянутом уже нами издании книги Кэри — «Principles of social science». Во всяком случае, из письма Герцена явствует, что имя Трюбнера известно его адресату. Под брошюрами о России, которые Трюбнер должен был доставить этому адресату, Герцен, очевидно, разумеет в первую очередь: «О развитии революционных идей в России» (1851), «Старый мир и Россия» (1854), «Русский народ и социализм» (1855). Издания всех этих произведений имелись на иностранных языках.

⁵ Речь идет о первом, немецком, издании «С того берега», за которым последовали два русских издания — 1855 и 1858 гг.